

Е.С. Борисова

Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе

В статье анализируются типы переданной речи, в различной мере удаляющие повествующий субъект от нарратива. Выделяются формальные критерии, по которым читатель, в большинстве своём неосознанно, воспринимает конкретные голоса в общей полифонической структуре художественного произведения.

Ключевые слова: нарратив; косвенные / прямые формы переданной речи; субъект повествования; дейксис; итальянская проза.

Проблема устранения голоса нарратора напрямую связана с бахтинским противопоставлением Я и ДРУГОЙ, которое начиная с середины XX века стало использоваться для анализа диалогичности практически любого текста в итальянской нарратологии. Теория «чужой»¹ речи в итальянской лингвистике стала активно развиваться именно после переводов работ М.М. Бахтина на итальянский язык. Большой вклад в эту проблематику внесла Биче Мортара Гаравелли (B. Mortara Garavelli). «Начиная с античности, философы обращались к вопросу о различении сфер реального и сказанного (*de re vs. de dicto*). <...> Особый интерес данного явления для лингвистики заключается в том, что в его рамках прослеживается действие самых различных механизмов языковой системы, таких как построение сложных предложений, ролевой, временной и пространственный дейксис, выражение эвиденциальности» [10: с. 130].

В данной статье используется понятие «нарратор», а не «автор», поскольку первое сугубо функционально, т. е. «обозначает носителя функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [13: с. 68]. Мы также разграничиваем понятия текста автора, т. е. весь текст произведения, и нарратора, поскольку нарратор — создание автора. Подробно о соотношении понятий «автор» — «повествователь» — «рассказчик» — «нарратор» (см. [13: с. 44–106]). С формальной точки зрения степень присутствия голоса нарратора в повествовании можно связать со степенью зависимости вводимого высказывания от вводящего. Используя структурный грамматический подход, выделим четыре типа включения речи персонажа в текст: косвенная речь (КР), несобственно-прямая речь (НПР), прямая речь (ПР), свободная прямая речь (СПР). Согласование вводимой и вводящей частей прежде

¹ Определение «чужой» мы берём в кавычки, поскольку в любом типе повествования трансляция слов персонажа — заслуга автора, создателя текста.

всего проявляется в системе персональных и временных дейктиков. Остальные многочисленные способы включения «чужой» речи можно рассматривать как разновидности основных выделяемых нами типов. Для наглядности приведём примеры каждого вида переданной речи на примере одного и того же смыслового высказывания:

1. КР: *Durante la riunione Giovanni è saltato su come un pazzo e ha detto che [non ne poteva più, e che da allora in poi non lo avremmo più visto alle riunioni]². Allora Lia gli ha risposto che [era un presuntuoso].* (Здесь и далее подчёркиванием выделяются слова, вводящие речь персонажа, т. е. слова нарратора. — Е.Б.).

2. НПР: *Durante la riunione c'è stato uno show a sorpresa di Giovanni. [E non ne poteva più, e col cavolo che lo avremmo rivisto alle nostre riunioni], e allora lì Lia è scattata. [Ah, era proprio un bel presuntuoso!].*

3. ПР: *Noi tutti lì che ascoltavamo in silenzio ma Giovanni diventava sempre più nervoso. A un certo punto è saltato in piedi di fronte a Lia e ha detto: «Basta, non ne posso più! D'ora in poi fatevele da soli le vostre riunioni!» Allora Lia gli fa: «Eh ma che razza di presuntuoso!».*

4. СПР: *Noi tutti in silenzio e Giovanni che ribolliva. Hai presente un'esplosione? Mancava poco che lui e Lia venissero alle mani. «Eh no, non ne posso più, adesso basta! Non mi rivedrete mai più alle vostre riunioni». «Ah, presuntuoso che non sei altro!» [14: p. 18].*

Степень зависимости текста персонажа от текста нарратора позволяет выделить косвенные формы (КР и НПР) и прямые формы переданной речи (ПР и СПР).

Основным признаком, отличающим косвенные формы переданной речи от прямых, является транспозиция персональных и временных дейктиков³. Причём если в косвенной речи обе транспозиции обязательны (к ним присоединяется также транспозиция пространственных дейктиков), то в НПР зависимость вводимого высказывания от вводящего менее строгая. Следует указать на то, что в итальянской лингвистической традиции термин НПР имеет эквивалент *discorso indiretto libero* (DIL), т. е. «свободная косвенная речь». В русском языке система согласования времён отсутствует, поэтому НПР структурно ближе к ПР, что оправдывает применение термина НПР как эквивалента DIL. Примеры из итальянской прозы показывают, что в подавляющем большинстве случаев в этой конструкции временные дейктики подчиняются вводящему высказыванию по типу косвенной речи. То же касается и персональных дейктиков, но их согласование с вводящей частью строго обязательно.

Персональными дейктиками, указывающими на субъект повествования, помимо имён собственных, являются личные местоименные и глагольные формы. И в КР, и в НПР субъект повествования переданной речи — не 1-е лицо⁴. Важно,

² В этом примере и далее квадратными скобками выделена «чужая» речь.

³ Персональные, временные и пространственные дейктики являются составляющими контекстуального дейксиса [11: с. 72].

⁴ Мы используем этот термин, поскольку при любых транспозициях в косвенных формах лицо субъекта повествования всегда отлично от реальной коммуникативной ситуации.

что такая транспозиция может происходить во вводимом высказывании как в нарративе от 3-го лица, так и в нарративе от 1-го лица. В последнем случае происходят не менее интересные трансформации персональных дейктиков, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Транспозиция персональных дейктиков в косвенных формах переданной речи

Нарратив от 3-го лица	Нарратив от 1-го лица
S _{повествования} = 3-е лицо Адресат = 3-е лицо	S _{повествования} = 3-е / 1-е лицо Адресат = 1-е / 3-е лицо

Рассмотрим пример косвенного способа передачи «чужой» речи в нарративе от 3-го лица:

[*Un figlio suo — pensava Lida —: ecco che cosa gli mancava, ecco l'unica ombra che avesse turbato la serenità della loro vita*] [1: p. 38].

Это пример НПР, в котором местоимение *loro* замещает субъект повествования (*Lida*) и адресат высказывания. Наличие согласования времён (*pensava — mancava, avesse turbato*) и транспонированные временные дейктики позволяют судить о том, что слова персонажа переданы в косвенной форме. Однако специфическая пунктуация⁵, дискурсивное слово *ecco*, вынесение прямого дополнения *un figlio suo* вперёд указывают на то, что это включение голоса персонажа в текст в форме НПР, позволяющей объединить в одном высказывании особенности ПР и КР.

Во многих исследованиях, вслед за Е.В. Падучевой, выделяют характерный признак НПР — «3-е лицо, которое обладает всеми правилами 1-го» [9: с. 337]. Тем не менее, как показало наше исследование [7: с. 100–106], это не единственный способ трансформации персональных дейктиков. В следующем примере НПР в нарративе от 1-го лица субъектом повествования является Альберто Финци-Контини, который от себя и от лица своей сестры Миколь приглашает рассказчика поиграть в теннис:

[*Se mi accontentavo di un campo di terra battuta — ripeté — <...> ambedue, loro, ne sarebbero stati ben lieti e «onorati». <...> A parte il fatto che lui si sarebbe trattenuto a Ferrara almeno un altro mesetto*] [2: p. 67].

В этом отрезке текста субъект повествования — 3-е лицо (*loro sarebbero stati <...> lieti e «onorati», lui si sarebbe trattenuto*), как и в третьеличном нарративе, а адресат — 1-е лицо (*mi accontentavo*). Интересно, что в конструкцию с косвенной передачей речи персонажа включается прямое цитирование, выделенное кавычками — «*onorati*». Эту разновидность прямой речи называют также прямой номинацией [9]. Её особенностями является либо графическое выделение, либо выделение особыми операторами цитирования.

⁵ В данном примере пунктуационное выделение НПР — это особенность синтаксиса Дж. Бассани. Анализ НПР на корпусе примеров из 35 произведений итальянской художественной прозы показал, что в подавляющем большинстве случаев графическое маркирование этой конструкции отсутствует (см. [7]).

Таким образом, если голос нарратора частично присутствовал в конструкции НПР, на что указывали транспонированные персональные и временные дейктики, то пунктуационное выделение слова, свойственного речи упомянутого персонажа, полностью устраняет нарратора из текста.

В диегетическом повествовании, как видно из следующего примера, 2-е лицо адресата может транспонироваться в 3-е лицо (*era, gli*), в то время как 1-е лицо субъекта повествования (это рассказчик) остаётся неизменным (*avevo passato*):

[*Era o non era d'accordo — gli domandai — con la tesi del saggio di Leone Trotski che gli avevo «passato» qualche giorno prima?*] [2: p. 70].

Сравним с тем же высказыванием, которое мы трансформировали в ПР, чтобы наглядно показать изменение персональных дейктиков из прямой формы передачи «чужой» речи в косвенную:

— *Sei o non sei d'accordo — gli domandai — con la tesi del saggio di Leone Trotski che ti ho passato qualche giorno fa?*

В косвенной речи происходит полное подчинение текста персонажа вводящему высказыванию, голос нарратора вбирает в себя все индивидуальные особенности речи персонажа, экспрессивные элементы исчезают. Однако этот чисто информативный вид переданной речи при определённых условиях может использоваться и как стилистический приём. Например, в романе Табуки *Sostiene Pereira*, глагол-интродуктор *sostiene*⁶, вынесенный в название произведения, переключает внимание читателя с одного говорящего субъекта на другой и постоянно напоминает читателю о том, что всё написанное принадлежит персонажу:

[*Pereira a sua volta mantenne qualche secondo di silenzio, perché gli pareva strano, sostiene, che una persona che aveva firmato riflessioni così profonde sulla morte non pensasse all'anima*] [6: p. 9].

На самом деле — это косвенная речь (*gli pareva strano <...> che una persona <...> non pensasse all'anima*), за которой стоит нарратор.

При изучении способов устранения голоса нарратора из повествования прямую речь следует считать своеобразной точкой отсчёта, так как она «обладает максимальной концентрацией базовых признаков “чужой” речи: наиболее высоким потенциалом выполнения ведущей функции — представления своего и чужого речевых центров в их автономности и взаимодействии» [8: с. 12]. К тому же для художественного текста, не имеющего аудиооригинала, это единственно возможный путь: сравнение разных видов переданной речи с их возможным эквивалентом в ПР, так как её графическое выделение в тексте прямым образом указывает читателю на субъект повествования.

СПР, напротив, не выделяется из текста графически, персонаж говорит или думает от 1-го лица (персональные дейктики соответствуют реальной коммуникативной ситуации). Согласование текста персонажа с текстом нарратора отсутствует

⁶ «Предикаты пропозициональной установки являются единственным показателем, позволяющим читателю однозначно отнести высказывание с субъектом речи или мысли в третьем лице к словам персонажа» [7: с. 89].

(глаголы, относящиеся к протекающему моменту, стоят в настоящем времени), как и в прямой речи, появляются несколько дейктических центров, единственными указателями на «чужой» голос оказываются глаголы-интродукторы, если они есть. Таким образом, голос нарратора устраняется полностью:

(СПР полицейский) *Insomma, mi sono spiegato? Mi segua senza fare storie, lei è in stato di arresto.* (СПР Аньелло) *Ma qua 'arresto, qua 'carabozzo? sbotta Agnello, divincolandosi, no 'me fa ota 'le zelle sinnò te zenzulio da cca pe' mezzo!* (НПР Вита) *Vita grida [che è lei che deve andare in prigione, la guardava lei la lampada, è lei che c'ha il male dentro — Agnello è uno zuccone con tante colpe, ma la colpa sua è grossa veramente, anche se non voleva bruciare Lena, non era nemmeno più arrabbiata con lei, non voleva! Tata!]* [4: p. 199].

В этом примере представлены реплики трёх персонажей: речь полицейского (на italiano standart) и Аньелло (на южном диалекте) передана конструкцией СПР, причём без всяких вводящих элементов, речь падчерицы Аньелло, заявившей на него в полицию и подстроившей всю эту историю, — НПР. Автор минимизирует свои комментарии, поскольку характерные особенности речи персонажей позволяют переключать внимание с одного субъекта повествования на другой и сделать повествование более динамичным.

В художественном тексте разные виды переданной речи часто совмещаются в одном большом периоде и образуют диалогические единства, в которых голос нарратора то превалирует, как в КР, то исчезает, как в ПР:

(КР₁) *Gli dissi chi erano i giudici e lui, dopo averci pensato un poco, disse che* (КР₂) *non valeva la pena rischiare con quelli.* (НПР₂) [*Avrebbe patteggiato, così si sbrigava anche prima. E io cosa avevo quella mattina?*] [3: p. 182].

(ПР₁) — *Vuoi che ci troviamo una sera in quattro: — Credette d'aver trovata la via per dare aiuto all'amico ed Emilio accettò con entusiasmo.* (НПР₂) [*Naturalmente! L'unico mezzo per poter imitare il Balli era di vederlo all'opera*] [5: p. 58].

Сопоставительный анализ разных видов переданной речи показал, что степень устранения голоса нарратора зависит от: 1) высказывания, вводящего «чужую» речь; 2) пунктуационного выделения текста персонажа; 3) изменения дейктиков во вводимом высказывании; 4) дискурсивных маркеров и 5) экспрессивного синтаксиса в тексте персонажа. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сопоставительный анализ четырёх видов переданной речи

Тип речи	Вводящее высказывание	Пунктуационное выделение	Изменения дейктиков во вводимом высказывании			Дискурсивные маркеры	Экспрессивный синтаксис
			временных	персональных	пространственных		
КР	+	–	+	+	+	–	–
НПР	+ / –	+ / –	+ / –	+	– / +	+	+
ПР	+	+	–	–	–	+	+
СПР	– / (+)	–	–	–	–	+	+

Итак, анализ формальных способов устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе позволяет сделать следующие выводы: голос нарратора устраняется полностью в СПР (если нет вводящих элементов); в ПР голос нарратора присутствует только во вводящем высказывании; НПР — это промежуточная конструкция между КР и ПР, в ней голос нарратора вторгается в текст персонажа; в КР, напротив, исчезают все особенности речи персонажа, она оказывается чисто информативным способом кодирования информации и «передаёт только пропозицию исходного высказывания» [12: с. 49].

Библиографический список

Источники

1. *Bassani G.* Cinque storie ferraresi. Torino: Einaudi, 2003. 202 p.
2. *Bassani G.* Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. 193 p.
3. *Carofiglio G.* Ragionevoli dubbi. Palermo: Sellerio, 1994. 299 p.
4. *Mazzucco M.G.* Vita. Milano: BURextra, 2010. 475 p.
5. *Svevo I.* Senilità. Roma: Newton, 2008. 191 p.
6. *Tabucchi A.* Il tempo invecchia in fretta. Milano: Feltrinelli, 2009. 171 p.

Литература

7. *Борисова Е.С.* Несобственно-прямая речь в итальянском нарративе XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2014. 212 с.
8. *Максимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 316 с.
9. *Падучева Е.В.* Семантика нарратива // Семантические исследования. М.: МГПУ, Языки рус. культуры, 1996. 463 с.
10. *Резникова Т.И.* Reported discourse // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 129–133.
11. *Рыжова Л.П., Савельева Е.Б.* Контекстуальный дейксис как средство моделирования пространства и времени в автобиографической прозе Андре Жида // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 72–81.
12. *Шутова И.А.* Косвенная речь как способ кодирования авторской интенции в художественном тексте // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 47–54.
13. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянских культур, 2008. 303 с.
14. *Calaresu E.* Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004. 224 p.

References

Istochniki

1. *Bassani G.* Cinque storie ferraresi. Torino: Einaudi, 2003. 202 p.
2. *Bassani G.* Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. 193 p.
3. *Carofiglio G.* Ragionevoli dubbi. Palermo: Sellerio, 1994. 299 p.
4. *Mazzucco M.G.* Vita. Milano: BURextra, 2010. 475 p.
5. *Svevo I.* Senilità. Roma: Newton, 2008. 191 p.
6. *Tabucchi A.* Il tempo invecchia in fretta. Milano: Feltrinelli, 2009. 171 p.

Literatura

7. *Borisova E.S.* Nesobstvenno-pryamaya rech' v ital'yanskom narrative XIX–XXI vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M., 2014. 212 s.
8. *Maksimova N.V.* «Chuzhaya rech'» kak kommunikativnaya strategiya. M.: RGGU, 2005. 316 s.
9. *Paducheva E.V.* Semantika narrativa // Semanticheskie issledovaniya. M.: MGPU, Yazy'ki rus. kul'tury', 1996. 463 s.
10. *Reznikova T.I.* Reported discourse // Vopr. yazy'koznaniya. 2004. № 2. S. 129–133.
11. *Ry'zhova L.P., Savel'eva E.B.* Kontekstual'ny'j dejksis kak sredstvo modelirovaniya prostranstva i vremeni v avtobiograficheskoj proze Andre Zhida // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 72–81.
12. *Shipova I.A.* Kosvennaya rech' kak sposob kodirovaniya avtorskoj intencii v xudozhestvennom tekste // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 47–54.
13. *Shmid V.* Narratologiya. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2008. 303 s.
14. *Calaresu E.* Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004. 224 p.

E.S. Borisova

**Formal Modes of Cancelling the Narrator's Voice
in the Italian Fictional Prose**

The article analyses the types of reported speech indicative of various degrees of remoteness of the subject from the narrative itself. The highlighted formal criteria let the reader, for the most part unconsciously, particularize voices in the overall polyphonic structure of a literary work.

Keywords: narrative; direct / indirect forms of reported speech; subject of narrative; deixis; Italian narrative.